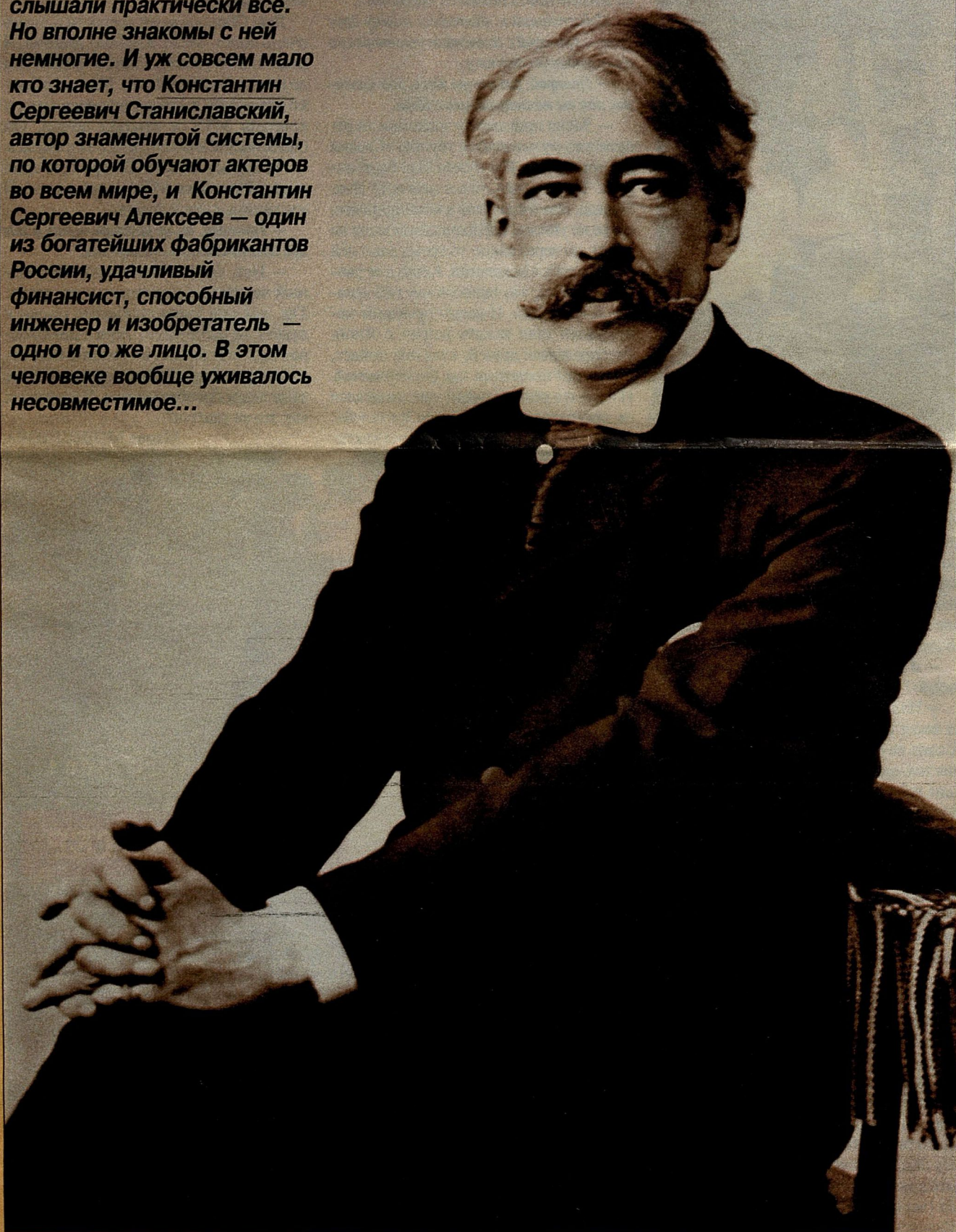

Семь дней. 2001. — 30 апр. — 6 мая (№ 18). —

ЖИЗНЬ ПО СИСТЕМЕ КОКОСИ СТАНИСЛАВСКОГО

О системе Станиславского слышали практически все. Но вполне знакомы с ней немногие. И уж совсем мало кто знает, что Константин Сергеевич Станиславский, автор знаменитой системы, по которой обучают актеров во всем мире, и Константин Сергеевич Алексеев — один из богатейших фабрикантов России, удачливый финансист, способный инженер и изобретатель — одно и то же лицо. В этом человеке вообще уживалось несовместимое...

Костя Алексеев.
1873 г.

ЗОЛОТУШНЫЙ КОКОСЯ

Теплой летней ночью мальчишки, завернувшись в белые простыни, поджидали в придорожной канаве очередную вереницу бредущих в Троицу на богомолье. Эту забаву — выскакивать на дорогу, изображая привидения, а потом слушать, как насмерть перепуганные богомольцы бегут назад, отбивая посохами мелкую дробь по укатанной дороге, улюлюкать им вслед — придумал Костя Алексеев, или Кокосья, как звали его родные. Кстати, он был единственным, кого за участие в нечестивой выходке не наказали родители.

В семье потомственных купцов Алексеевых все было необычно для того времени. Отдав под вдов и сирот огромный дедовский особняк на Большой Алексеевской улице (именно там 5 января 1863 года появился на свет будущий великий режиссер), родители переехали в новый, куда более скромный дом у Красных ворот. Отец, Сергей Владимирович — один из первых богачей, миллионщик, фабрикант — был прост, даже кроток в обращении с рабочими своей золотоканительной фабрики; знал едва ли не каждого по имени-отчеству; платил вдвое, втрое против тогдашнего обычая; часто бывал у них посаженным отцом на крестинах и дарил значительные подарки. Мать, Елизавета Васильевна, была тиха и добра, но вспыльчива, и могла раскричаться на прислугу в полную меру купеческого темперамента. «Да как кричит! Как, бывало, кричали на крепостных... А через час она пойдет извиняться или баловать... Потом отыщет какую-нибудь бедную и будет с ней носиться дни и ночи напролет, отдавать ей едва не последнюю рубашку, пока, наконец, эта бедная не обкрадет ее...» — рассказал однажды Станиславский Чехову о «странностях мамани». В сущности, он нарисовал и собственный портрет.

Но это было гораздо позже, а пока восьмилетний Костя Алексеев шалопайничал вволю, и ничто не предвещало, что когда-либо он будет вести душевные беседы с умнейшими и талантливейшими людьми России... Мать жалела и баловала Кокосю. Он родился слабым, с жиденькими волосами, долго не держал головку — золотушный,

Елизавета Васильевна
с детьми. Костя
стоит в центре

как тогда говорили. Долго не мог научиться говорить, «глотал» слова. Он не любил, как другие дети Алексеевых — Володя и Нюша, перед гостями читать стихи или играть на рояле. «Нечем похвастать», — с сожалением говорила о Косте его няня.

Родители старались возместить воспитанием то, что, как они считали, не дала мальчику природа. Устроили в Четвертую классическую гимназию — лучшую в Москве, где учились дети из знатных дворянских семей. Кокоса, с грехом пополам проучившись пару лет, сбежал оттуда. Сергей Владимирович хотел было проявить строгость, но мать отстояла сына. Не хочет в гимназию — что же делать... Придется учить дома. Впрочем, когда Кокосе исполнилось шестнадцать, Сергей Владимирович предпринял еще одну попытку вывести неупутевого сына в люди: определил его в Лазаревский институт восточных языков. Но Костя никак не мог одолеть латынь. Мать тревожилась (впрочем, совершенно напрасно), что неудачи слишком сильно огорчают юношу, старалась утешить, отвлечь от мрачных мыслей... Однажды после очередного проваленного экзамена Елизавета Васильевна подарила Косте чистокровного английского скакуна по кличке Причудник, купленного за 600 рублей. А Косте только того и нужно было! Латынь казалась ему скучной и «кислой», а вот гарцевать на коне, выделявая всякие фокусы, — это занятие было по нему! Швейцарец Венсан, обучавший его в детстве верховой езде, дело свое, как

видно, знал — Костя скакал как молодой кентавр. Гимназистки и пансионерки восторженно глядели ему вслед, их сердца учащенно бились...

Золотушный ребенок давно превратился в высокого, статного, гибкого юношу с сияющими глазами и мягкими, пластичными движениями... Юные дамы меж собой называли его Красавчик Кокоса или Большой. Костя блистал в любительских спектаклях и упивался бешеным интересом к своей персоне. Отец только сокрушенно вздыхал. И когда летом 1881 года восемнадцатилетний оболтус Кокоса принял решение уложить Сергея Владимировича позволить ему оставить учебу, тот обреченно согласился и... взял его управляющим на свою золотоканительную фабрику (производящую нити для золотого шитья). Мол, пусть хоть на практике потихоньку приобщается к делу... И тут произошло то, чего никто не ожидал. Кокоса довольно легко освоился с производством и обнаружил замечательное трудолюбие, упорство и деловую хватку. Он полностью реорганизовал производство и усовершенствовал методы обработки золотых нитей — придумал использовать при волочении систему алмазов, которая повысила качество вдвое. Между прочим, его изобретение работает и до сих пор. При нем изделия фабрики экспортировали в США, Европу, Китай, Индию. За высокое качество товара фабрике присудили право изображать на продукции государственный герб! А на Всемирной выставке в Париже Станиславского наградили золотой медалью.

КУМИРЫ XX ВЕКА

БЛЕСТЯЩАЯ КАРЬЕРА

Способности юноши по достоинству оценил его двоюродный брат Николай. Личность купца первой гильдии Николая Александровича Алексеева во многом замечательна и заслуживает небольшого отступления. Он был городским головой, превратил Москву из большой деревни в современный столичный город: ввел ночное освещение, проложил асфальтовые тротуары, разбил скверы на площадях, где раньше торговали сеном и дровами, расставил на бульварах скамейки и завел военные оркестры для увес-

ления прогуливающейся публики. Именно его инициативе и энергии обязана Москва водопроводом и канализацией. При нем было построено здание Верхних торговых рядов (нынешний ГУМ) и открылась Третьяковская галерея... Николаю Александровичу прочили портфель министра, а он только хитро посмеивался: «Купцом родился, купцом и умру». Он был натурой многосторонней. Например, кроме всего прочего он служил директором-казначеем Русского музыкального общества. Все музыканты и композиторы безгранично уважали своего казначея — человека исключи-

Спектакль «Коварство и любовь».
В роли Фердинанда — Станиславский,
в роли Луизы — актриса Лилина
(Марья Петровна Перовщикова).
Вскоре они поженятся. 1889 г.

ВРЕМЯ ХУДЕТЬ

Новый подход к снижению массы тела от швейцарской фармацевтической компании Ф. Хоффманн Ля Рош Лтд (Базель, Швейцария)

1

Способствует похуданию и предотвращению повторного набора веса.

2

Не влияет на мозг, сердце и другие внутренние органы.

3

Безопасен при длительном приеме.

www.slim.ru

Хотите узнать больше о новом подходе к снижению массы тела, разработанном швейцарскими учеными, задать любые вопросы, касающиеся снижения массы тела?

Проконсультируйтесь с врачом! Горячая линия Время Худеть:

(095) 937 5868

Комитет здравоохранения Москвы.
Лицензия: серия МДКЗ №1154/3000

«Чайка» во МХАТе. Аркадина —
Ольга Книппер, Тригорин —
Константин Станиславский.
1898 г.

тельной честности и компетентности. Один только Петр Ильич Чайковский, будучи болезненно чувствительным к грубости и бесперемонности, считал Николая Александровича самодуром. Действительно, тот отличался настоящим купеческим своеволием. Детей у него не было, и он задумал сделать преемником Костю. В этом деле Николай Александрович проявил всю свою безудержную натуру, где можно и где нельзя «не по чину» доставая ему назначения. Кстати, должность казначея в музыкальном обществе перекочевала от Николая Александровича к Константину. Поначалу юношу встретили настороженно, но он так ловко повел дела, что через короткое время даже нервный Петр Ильич нашел, что новый директор очень симпатичный.

Да что там музыкальное общество! Николай не побоялся поручить Косте организацию церемонии коронации Александра III. Юноша справился безупречно, за что и был упомянут императором на званом ужине, устроенном по случаю окончания торжеств. Но милость монарха и открывавшиеся вслед за ней блестящие перспективы в тот вечер померкли для Кости перед... прелестью юной балерины, девицы Иогансон, оказавшейся в числе приглашенных. Она велела Косте сесть с ней рядом, болтала без умолку и немилосердно кокетничала. В бокалах шампанского вскипало и пенилось желание. Когда игривая балерина, желая вымазать мороженым физиономию новоявленного поклонника, закапала себе платье, он, забыв приличия, уронив стул, кинулся оттирать хлебом пятна на ее коленках... «Эта фифиночка (так легкомысленно называл Костя всех молоденьких девушек) в один миг похитила кончик моего сердца», — писал он старинному гимназическому товарищу.

ЗАПИСНОЙ ВОЛОКИТА

Ветреная балерина вскоре бросила Кокосю, повергнув его, дотоле не знав-

шего ничего подобного, в совершенное отчаяние. Убитого горем несчастного влюбленного утешила Дунечка, пожалела его по-женски. Авдотья Назаровна Копылова служила горничной у Алексеевых. Елизавета Васильевна знала обо всем и не противилась. Впрочем, в то время это было делом обыкновенным. Горняшек на то и брали в приличные дома, чтобы оградить молодых людей из хороших фамилий от подозрительных знакомств на стороне. Когда у Дунечки родился сын, его записали Владимиром Сергеевичем Сергеевым. Рос он вместе с младшими детьми Алексеевых, образование получил прекрасное, а при новой власти стал профессором истории.

Пора Костю женить — решил отец. Потенциальных невест чуть не каждый день приглашали к Алексеевым на званные обеды, но Костя, едва церемония сватовства заканчивалась, мчался в Большой театр. Успевал в аккурат к концу спектакля и увозил одну из «фифиночек» ужинать. В конце концов, первого жениха Москвы, богача и красавца Костю Алексева записали в вечные холостяки, в ветреники, совершенно бесперспективные для девиц из хороших семейств. Кроме того, по мнению общества Константин был излишне увлечен любительским театром.

Впрочем, все Алексеевы обожали театр. Сергей Владимирович и Елизавета Васильевна снимали для всей семьи ложи в итальянской опере и Малом театре на весь сезон. Они и сами с величайшим удовольствием играли в любительских спектаклях — занятие для купцов в те времена весьма странное, если не сказать предосудительное, — и всех своих девяти детей также приохотили к сцене. Театральный яд, или, как его называли у Алексеевых, «театролин», очень рано проник и в кровь Кости, так что он просто бредил идеей открыть в Москве «Цирк Констанцо Алексева».

ЖЕНА

В феврале 1888 года Станиславский познакомился с хорошенькой актрисой Лилиной. Под этим псевдонимом выступала в любительских спектаклях Мария Петровна Перевошикова. Внучка московского профессора, дочь почтенного нотариуса, окончившая Екатерининский институт с золотой медалью и принятая туда же на должность классной дамы, Мария Петровна, согласно неписаным правилам, могла выступать на сцене только под псевдонимом. Кстати, к тому времени и Константин Сергеевич обзавелся псевдонимом. Он работает на фабрике, ведет заседания акционеров, рассматривает и утверждает счета — на сцене Алексеву не место. Зато там живет Станиславский.

Родители и не мечтали, что из знакомства сына с Марией Петровной Перевошиковой выйдет что-то путное. Однако Константин поговорил с ней и нашел, что Мария Петровна — девушка умная,

Айседора Дункан

Станиславский и Немирович-Данченко. 1923 г.

Константин Сергеевич
в спектакле
«Графиня де ля Фронтьер».
1884 г.

тонкая и чрезвычайно талантливая (а уж это он мог распознать с первого взгляда!). К величайшему удовольствию «папани и мамани», летом 1889 года он обвенчался с Марией Петровной в церкви Покрова Пресвятыя Богородицы в подмосковной усадьбе Алексеевых с символическим названием Любимовка. Это вообще был самый важный год в жизни Константина Сергеевича Алексеева — ведь именно тогда, в компании с Саввой Тимофеевичем Морозовым и Владимиром Сергеевичем Немировичем-Данченко он открыл легендарный Художественный театр...

Выйдя замуж за Станиславского, Мария Петровна, обладавшая задатками гениальной актрисы, сознательно ушла в тень мужа ради семейного благополучия. Помогала мужу во всех его делах, растила детей — дочь Киру и сына Игоря (Игорь был болен туберкулезом, его годами лечили за границей. Со временем следы его затерялись, и никто из родст-

венников не знает о его судьбе. Кира Константиновна стала женой художника Романа Фалька, родила дочь Кириллу, которая жива до сих пор). Как ни странно, Станиславский оказался безупречным супругом. И куда только делось его женолюбие? «Фифиночки» в одночасье потеряли для Константина Сергеевича всякий интерес. Изменить Марии Петровне было для него немислимо! Вот, к примеру, история с Айседорой Дункан. Константин Сергеевич был очарован первозданностью ее искусства, а она — его суждениями о нем. Слово за слово — очутились они в ее номере. Пылкая танцовщица предложила Станиславскому разделить с ней ложе. «А что же мы будем делать с ребенком?» — растерянно молвил Константин Сергеевич. «С каким ребенком?» — удивилась Дункан. «С нашим, — приняв самый серьезный вид, отвечал Станиславский. — Я никогда не соглашусь с тем, чтобы мое дитя росло

вне моей юрисдикции»... Как он и рассчитывал, аргумент этот охладил пыл Айседоры. Позже она бесхитростно поведала об этом случае Марии Петровне. Та улыбнулась: «Это так на него похоже! Он относится к жизни очень серьезно».

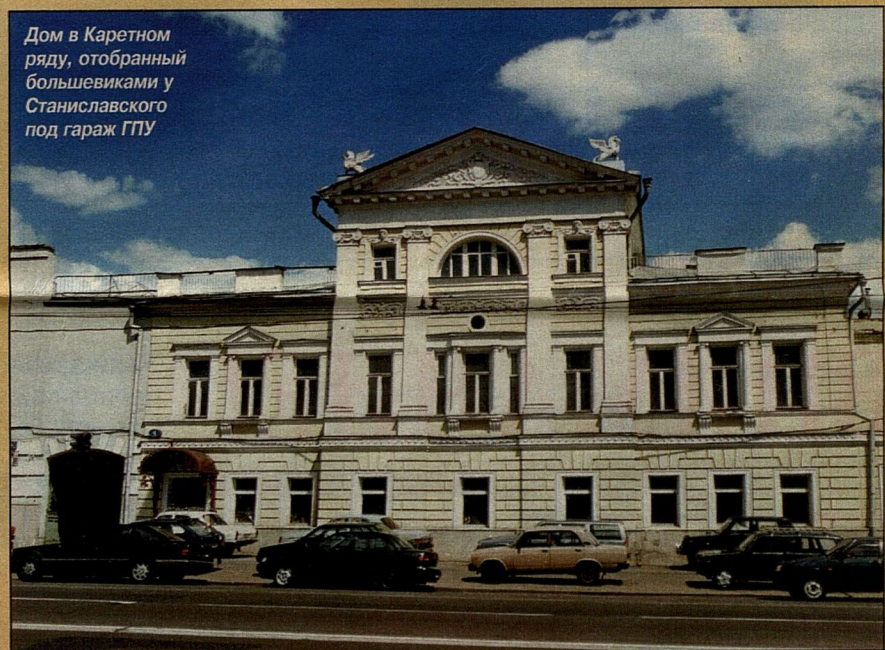
...Репетиция «Вишневого сада» длилась уже шестой час, а Станиславский никак не мог добиться от одуревших актеров Художественного театра нужной ему игры. Правда, кроме него самого, никаких огрехов никто не видел. А Ольга Леонардовна Книппер была просто невероятно хороша: тонкая, легкая, почти воздушная... «Ну как вы двигаетесь?! Вы словно роля перетаскиваете, а не стул придвигаете!» — бешено кричал на нее режиссер. Болезненно самолюбивой Книппер было невыносимо слышать такое. Ей казалось, что Станиславский швыряет ей не обидные слова, а тяжелые камни. Его серые глаза сделались неприятными и злыми. От сильного возбуждения он топнул ногой, отчего из пазов дощатой сцены вырвались фонтанчики пыли. Ольга Леонардовна вспыхнула и

шился во мнении, что их режиссер — редкий самодур, от него не уходили. Казалось, нет силы, способной разрушить Московский Художественный...

ТОВАРЫЩИ

Когда события 1917 года освободили Константина Сергеевича от обязанностей по золотоканительной фабрике, он не слишком расстроился. Конечно, богачи Алексеевы в одночасье сделались, как тогда говорили, лишенцами, но революцию Станиславский приветствовал. Он видел все безобразия, творимые новыми властями, но искренне считал, что революция приведет к всеобщему благу и поможет приблизить искусство к народу. Глубоко религиозный Константин Сергеевич стал даже изучать марксизм и сетовал на Марию Петровну, не желавшую следовать его примеру. Впрочем, Станиславский так ни черта и не понял в диалектическом материализме, равно как и в том, что же означают все эти новые словечки: «Пролеткульт», «Всерабис», «ГОЭЛРО», и

Дом в Каретном
ряду, отобранный
большевиками у
Станиславского
под гараж ГПУ

убежала за кулисы: «Ноги моей больше не будет в этом театре!» Помолчав немного, Станиславский объявил перерыв. А через короткое время постучал в дверь гримерки, из-за которой слышны были славенные рыдания.

Смущенно покашливая в кулак, режиссер просил извинить его несдержанность, всячески успокаивал по-детски хлопаящую носом Книппер, чудесным мягким голосом убеждал, что она безусловно талантливая, говорил, что он сам виноват: измучил актеров бесконечной репетицией... «Вам, милая, необходимо отдохнуть, а завтра, поверьте, у вас все получится...»

Подобные сцены частенько случались на репетициях. Немирович-Данченко, помогая улаживать конфликты, укорял Станиславского: «Когда вы соскальзываете с рельсов и начинаете зарываться, то крошите всех направо и налево. При вашей огромной власти в театре это опасно для дела и вносит много беспорядка». Однако актеры, сходяв-

путал, как утверждают, ГПУ с ГУМом.

В 1919 году нагрянула беда — выселение из дома в Каретном ряду, где он жил с многочисленными родственниками, которых приютил на время лихолетья, и репетировал с актерами. Пламенный революционер Феликс Эдмундович Дзержинский распорядился реквизиовать дом вместе с каретными сараями для нужд автобазы Совнаркома (кстати сказать, и по сей день там существует гараж, только уже другого ведомства). Ежедневно по утрам к Станиславскому являлся неизвестный в кожаной куртке, нагло расхаживал по дому и требовал очистить помещение в 24 часа, размахивая при этом револьвером системы «Наган». Куда только не обращался режиссер... Он звонил самому Ленину. Тот выказал живейшее сочувствие, возмущался, даже приказал кому-то немедленно соединить его с Дзержинским, словом, обещал разобраться. И... ничего не сделал. Пришлось выселяться...

Потом большевики расстреляли

ЛЮБАЯ КОРПУСНАЯ МЕБЕЛЬ ПО ВАШИМ ЗАКАЗАМ

Шкафы-купе

библиотеки, кабинеты,
гардеробные комнаты,
спальни

НАСТОЯЩАЯ МЕБЕЛЬ
ПО РАЗУМНОЙ ЦЕНЕ
ТЕЛ.: 725-12-25

младшего брата — Георгия — и всех его детей, та же участь постигла и Мишу — самого любимого племянника Станиславского. Арестовали многих. Его и самого то арестовывали, то отпускали. Станиславский, рискуя вызвать раздражение или чего еще похуже, хлопотал за родственников, актеров, буфетчиков, просто знакомых, надоедал чекистам просьбами смягчить их участь... С какой-то детской наивностью он верил, что может помочь. Видел, что все бесполезно, но ходил и ходил по инстанциям. Нет, он явно чего-то недопонимал...

...В 1928 году праздновали 30-летие Художественного театра. Праздновали весьма торжественно, собралось все партийное руководство. Один за другим на сцену поднимались какие-то люди с юбилейными лицами и славляли партию и лично Иосифа Виссарионовича Сталина. Наконец слово дали Станиславскому. Неизвестно, какая мысль овладела тут режиссером, но только он встал во весь свой прекрасный рост и особенным, проникающим в сердце голосом попросил присутствующих подняться. Сидящие в партере товарищи (так признавал это слово Станиславский) с величайшей готовностью повскакивали с мест, хлопая сиденьями кресел. А Константин Сергеевич все тем же проникновенным голосом продолжал: «... чтобы почтить память... — здесь он сделал паузу и посмотрел на правительственную ложу. Там тоже встали. — ...одного из основателей театра... Саввы Тимофеевича Морозова», — торжественно закончил режиссер. Лица у присутствующих вытянулись и затвердели. Дальше Станиславский отколол такую штуку: подошел к месту, где сидел Немирович-Данченко, и поклонился ему в пояс. Затем высказал признательность советскому правительству за то, что оно позволило актерам Художественного не «краснеть» немедленно, а гуманно дало возможность становиться большевиками постепенно, так

сказать, в процессе естественной эволюции. Сказал все... и не поклонился!

Этого ему не простили. Самого, правда, не тронули, все-таки мировая знаменитость. Расправились с его детищем — Художественным театром. Воспользовавшись отсутствием режиссера (после инфаркта он уже не выходил из дома), целенаправленно и методически превращали его в «Халтурный театр», как выразился Станиславский. Мстили ему и по-другому — его стали обожествлять: за ним записывали каждое слово, улицу, на которой он живет, называли его именем и тому подобные штуки. Эта иезуитская схема была уже отработана на Горьком. Станиславского, как и «буревестника революции», оградил от мира непроницаемой стеной. Оставалось одно: писать.

Писал утром, днем, вечером... Торопился передать то, что он пережил, передумал, нашел в муках. Его любимая фанерка с приложенными к ней прощитыми веревкой листами всегда была рядом...

Первое воскресенье августа 1938 года выдалось на удивление прохладным. Пришлось даже затопить печи в доме. Но Константин Сергеевич все равно не мог согреться. Все утро он писал наброски к третьей книге «Работа актера над ролью», но из-за сильной слабости с трудом удерживал ручку, отчего почерк смазывался... Станиславский усмехнулся: вспомнилось, как они с мальчишками пугали богомольцев. Посмотрел на свои каракули... затем перевел взгляд на часы. Было без четверти четыре. Ему показалось, что они встали. «Надо бы завести...» — успел подумать Константин Сергеевич... И тут внутри у него вдруг что-то оборвалось. Станиславский вздрогнул и вытянулся...

Похоронили Константина Сергеевича на Новодевичьем за монастырской стеной. Этот уголок теперь называют «Вишневый сад».

Марина АНОХИНА

Квартал 32-33

на Ленинском проспекте

Традиционно престижный район, благоприятная экология, удобное сообщение с центром города, подземный паркинг, круглосуточная охрана, три лесопарковых массива.

Квартиры свободной планировки.

В каждой квартире как минимум один зимний сад.

Квартиры в домах элит-класса по Ленинскому проспекту

128-1 (дом сдан) и 98-1.

А также в домах бизнес-класса по улице Удальцова 27-1 (дом сдан) и 3-1.

232-22-14

kvartal@europe.com

(многоканальный)

www.kvartal.ru

По поручению Правительства Москвы (постановления №393 от 10.05.94 и №346 от 16.04.96) ведет строительство жилых домов.

спортмастер

ТЕННИСНЫЕ СТОЛЫ KETTLER

Открываем дачный сезон!

Широкий выбор столов от \$199

Интересный отдых на даче

Москва
м. «Кутузовская»: Кутузовский пр-т, 36
м. «Тимирязевская»: Дмитровское ш., 37
м. «Октябрьская»: КЕТТЛЕР-СПОРТ, Ленинский пр-т, 21

м. «Маяковская»: ул. Большая Садовая, 1
м. «Рижская»: Проспект Мира, 71
м. «Университет»: Ленинский пр-т, 81
м. «ВДНХ»: ВВЦ, пав. «Москва», 3 этаж

С.-Петербург:
Н. Новгород:
Новосибирск:

Московский пр-т, 10
ул. Б. Покровская, 93
ул. Красноярская, 32

КЕТТЛЕР-СПОРТ:
Киев:
Минск:

ул. Заньковецкой, 10/7
ул. Якуба Коласа, 39

ИНТЕРНЕТ:

www.sportmaster.ru

ОПТОВЫЙ ЦЕНТР: ул. Б. Галушкина, 7 ☎ 777-777-1